

ОТТО ФОН БИСМАРК И РУССКАЯ ПРЕССА

Д. Вульф

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

Поступила в редакцию 25 июня 2015 г.

Аннотация: в статье освещаются попытки канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка оказать влияние на внешнеполитическую публицистику в России путем давления, взяток и манипуляций. Анализируется подоплека газетной полемики в российско-германских отношениях 70-х и 80-х гг. XIX в. Автор приходит к выводу, что русские газеты в целом не поддавались подобным устремлениям.

Ключевые слова: Россия, Германия, Отто фон Бисмарк, российско-германские отношения, русская пресса, внешняя политика.

Abstract: the article is devoted to the attempts of Otto v. Bismarck, the Chancellor of the German Empire, to influence the reporting on foreign policy in Russia by pressure, bribery and manipulation. By this way, the author analyses the background of the newspaper controversy in the Russian-German relations during the 70^s and 80^s of the 19th century. The author concludes that the Russian newspapers as a whole could evade from such aspirations.

Key words: Russia, Germany, Otto von Bismarck, Russian-German relationship, Russian newspapers, foreign policy.

Стремление сильных мира сего к использованию газет и журналов в своих целях, попытки их контролировать и даже манипулировать ими существовали с тех пор, как появилась пресса. Деньги при этом всегда играли значительную роль. А в условиях растущей взаимозависимости в мире в XIX в., не говоря уже о XX столетии, вечное стремление оказать на прессу политическое влияние приобрело поистине трансграничный характер. Вот почему процессы взаимодействия между властью и общественным мнением уже давно привлекают интерес исследователей. При этом данный интерес направлен на нечто большее, чем просто поиски свидетельств коррумпированности и манипуляций.

Если рассматривать общественное мнение в качестве пространства для коммуникации общественных интересов как внутри общества, так и с государством, то пресса и публицистика являются теми инструментами, которые делают выражение общественного мнения возможным [1, S. 4]. Газеты способствовали созданию образов друзей и врагов, возникновению страхов и формированию представлений о том, что следовало считать угрозой, причем представлениям этим были, как правило, присущи односторонность и утрирование. Они оказывали влияние на международные отношения, снижая или, наоборот, усиливая напряжение. Иногда историки приписывали

газетам даже решающую роль в разжигании войн. У Карла Хоуланда, который в 50-е гг. XX в. был одним из ведущих американских специалистов в области истории коммуникации, можно найти следующее высказывание о причинах Первой мировой войны: «The newspapers got us into war!» [2, S. 25].

Напоминая о мнимой или реальной опасности, исходящей от тех или иных стран, газеты порой становились причиной стигматизации целых народов. Возможности и опасности, скрывающиеся за всем этим, были, как правило, известны. Неясным оставалось в некоторых случаях лишь то, являлись ли создаваемые прессой топосы о других государствах и их политике лишь мнением авторов и редакции или еще и результатом разнообразного, в том числе и материального, воздействия. Особенно сложно проследить данную связь в том случае, если адресант и адресат находились в разных странах. Поэтому для более детальной оценки русско-немецких отношений в период с момента создания Германской империи до отставки ее первого канцлера Отто фон Бисмарка имеет смысл внимательно рассмотреть вопрос, с помощью каких средств и насколько успешно германское правительство, а точнее внешнеполитическое ведомство, пыталось повлиять на потенциальный источник формирования и распространения негативного образа Германии в России, т.е. российскую прессу [1, S. 141]. Это сложная задача. Амбициозное и богатое ссылками на источники исследование не-

мецкого историка Манфреда Хагена о развитии общественного мнения в России в 1906–1914 гг. придерживается в интересующем нас пункте подчеркнуто сдержанной позиции. На достаточно важный вопрос о политически мотивированном влиянии на российскую прессу из-за границы, по мнению Хагена, «в силу исключительного разнообразия российского мира прессы и вполне понятно соблюдавшейся конфиденциальности сложно ответить, если не брать в расчет бездоказательные утверждения иностранных дипломатов о “доступности” некоторых газет (а то и вовсе всей российской прессы) для достижения интересов других государств» [1].

В ходе промышленной революции и в силу возрастающей потребности в коммуникации, а также в результате стремительно растущих технических возможностей для этого национальная пресса в России значительно увеличилась численно и приобрела качественно новое значение. Закон о печати 1865 г., отменивший предварительную цензуру в обеих российских столицах, привел к тому, что газеты превратились в рупоры, через которые активно выражались расходящиеся интересы различных общественных групп во всех сферах политической жизни. В силу того, что до определенного момента в царской империи не существовали парламент и партии, пресса была практически единственной платформой для обмена политическими мнениями. Богатый инструментарий штрафов, использовавшийся для наказания за нарушение цензурного устава, который оставался очень строгим, включал в себя все меры: от простого предупреждения до полного закрытия издания и изгнания его редакторов и издателей. Это позволяло царскому правительству, как и прежде, оказывать значительное влияние на прессу. Особенно введение временных правил о печати в 1882 г. привело к тому, что вплоть до революции 1905–1907 гг. наряду с немногими либеральными газетами в российском публицистическом ландшафте прочно и надолго обосновались преимущественно консервативные издания, которые, правда, существенно различались между собой степенью близости к государству и короне и горячо спорили между собой по экономическим, национальным и внешнеполитическим вопросам. Издатели и редакторы легальной прессы, как правило, происходили из господствующих слоев российского общества и интеллигенции [3, S. 11, 96 ff.; 4]. Политическая окраска, которую они придавали своим изданиям, зависела прежде всего от определенных идеологических взглядов, национального рессентимента и патриотических привязанностей, их положения в обществе, пожеланий и представлений целевой аудитории, а также от финансовой ситуации. Поскольку государство уже в силу находившихся в его владении телеграфных агентств обладало информа-

ционной монополией, то регулярные контакты с правительством и императорским двором обещали газетам доступ к разнообразной информации, которую едва можно было получить иным путем, и при этом очень редко создали им официальный имидж. Большинство изданий, за исключением, пожалуй, «Нового времени» и, позднее, «Биржевых ведомостей», выпускавшихся большим тиражом, а также некоторых бульварных газет, стояли на весьма зыбком финансовом фундаменте. По этой причине поиск финансовых средств приобретал в повседневной деятельности журналистов большое значение. Правительство зачастую переводило близким по духу изданиям изрядные суммы, отнюдь не всегда, однако, обеспечивая этим желаемую лояльность. «Гражданин» князя Мещерского, например, получал по указанию Александра III из государственной казны до 1895 г. ежегодно внушительную сумму в 80 000 рублей. После того как министр финансов С. Ю. Витте распорядился о приостановке выплат, националистическое, нередко находящееся в противоречии с российской дипломатией, но не стоящее на антигерманских позициях издание по инициативе тогдашнего министра внутренних дел Сипягина с 1900 г. вновь стало получать достаточно приличную субсидию в размере 18 000 рублей [3, S. 122 ff.; 5, с. 512–514; 6, с. 314; 7, с. 246, 280; 8, с. 97]. Издатель «Нового времени» А. С. Суворин называл даже сумму в 115 000 рублей. Однако сколько-нибудь солидного фонда для подкупа газет, который сделал бы возможным существование официозной прессы на долгосрочной основе, так и не появилось [7, с. 213–214].

Несмотря на то, что в российской прессе существовал имперский консенсус, в освещении внешнеполитических вопросов зачастую находило свое отражение расхождение интересов между различными группами российского общества. Правительство, а также цари оставляли консервативным изданиям внешнюю политику в качестве вентилля, через который выпускался пар, спровоцированный жесточайшим порядком во внутривнутриполитической сфере. Газеты охотно пользовались предоставленным им полем для действий, поскольку в статьях по внешнеполитическим вопросам они вполне могли затрагивать и внутренние проблемы. Особое значение при этом придавалось темам, касавшимся отношений с Германией. В данной связи основная задача немецкого правительства, в частности МИДа, в отношении российской прессы состояла в том, чтобы заручиться поддержкой с ее стороны или, по крайней мере, обеспечить ее нейтралитет, а также выяснить подоплеку тех или иных публикаций, касающихся Германии.

Строгая и действенная российская цензура, а также тесные связи между императорскими дворами Петербурга и Берлина делали ненужным воздействие

внешнеполитического ведомства Германии на прессу в царской России до принятия там в 1865 г. закона о печати. Лишь снятие предварительной цензуры в Санкт-Петербурге и Москве открыло для газет в этих городах пространство для того, чтобы добиться внимания к широко распространенным в господствующих слоях российского общества, а также в среде дворянства и министерской бюрократии националистическим сантиментам. Под влиянием реформ 1861 г. в России стали громче звучать те голоса, которые требовали создания единых политических институтов для всей империи, форсированную ассимиляцию нерусских народностей и упразднение привилегий и особого регулирования для окраинных регионов. Призывы к отмене привилегий был направлены прежде всего против политически активного немецко-прибалтийского дворянства. Немецкий элемент вообще осуждался националистами среди сторонников реформ 1861 г. после десятилетий строгого правления Николая I [9, S. 15 ff.; 10, S. 38 ff.; 11, S. 49 ff.]. Националистические издания, близкие по духу газете «Московские ведомости» Михаила Каткова, критиковали во второй половине 1960-х гг. не только прусскую политику на Балканах, но и ставили под сомнение внешнеполитическую ориентацию А. М. Горчакова на Пруссию и выступали вместо этого за сближение с Францией. Данные требования имели политическое значение – за рубежом полагали, что эти идеи поддерживает значительная часть российской министерской бюрократии вплоть до самого царя.

Зачастую резкий тон, прежде всего «Московских ведомостей», неизбежно вступал в противоречие с официальной внешней политикой и вел к конфликтам с Пруссией и Германией в целом [9, S. 140 ff., 157 ff.; 12; 13, 339 ff.; 14, p. 88 ff.]. Если поначалу защита политики русификации в прибалтийских провинциях то и дело подталкивала русские газеты к тому, чтобы ставить под сомнение традиционную дружбу между императорскими дворами в Петербурге и Берлине, то во второй половине XIX в. «без сомнения переоцененный, якобы воинственный» панславизм [15, S. 190] стал вывеской беспрестанного русского экспансионизма, в первую очередь в направлении Балкан и Ближнего и Дальнего Востока. Как и его немецкий аналог, «немецкий натиск на Восток», панславизм, главным требованием которого было объединение славянских народов и их последующая максимально возможная экспансия на Запад, чаще был, скорее, идеологией, нежели политической реальностью [16; 17, S. 9 ff.; 18, S. 55 ff., 133 ff.]. Тем не менее, якобы исходившая от панславистской пропаганды угроза являлась одним из существенных мотивов действий внешнеполитического ведомства Германии. Она скрыто порождала русофобию [19, 146 ff.]. При этом остзейские немцы, которых напрямую затронула

политика русификации, относились к числу тех, кто главным образом информировал прусское правительство о деятельности панславистов. Юлиус фон Экардт получил в 1868 г. от Бисмарка задание регулярно делать отчеты для германского МИДа о важнейших статьях российской прессы. Такие отчеты поступали в течение 6 лет и, если верить Экардту, с большим интересом принимались Отто фон Бисмарком к сведению. Причины отказа от них со стороны рейхсканцлера остаются по сему неясны. Позже Экардт возобновил свою деятельность лишь на несколько недель зимой 1877–1878 гг. [20, S. 144 f.]. Вероятно, особый интерес для сотрудников внешнеполитического ведомства сначала Пруссии, а затем Германской империи представляли два элемента, присущих «образу славян» Экардта. Наряду с ярко выраженным инстинктом, направленным на расширение национальной сферы власти, публицист считал главной характерной чертой славянской расы «управляемость» («Bestimmtheit») [21, S. 216 f.; 22, p. 213 ff.]. Было очевидно, что нужно воспользоваться данной особенностью, опираясь при этом на то, что в немалой степени формировало общественное мнение, т.е. на прессу.

Несмотря на свои антирусские настроения, отношение высших слоев в Пруссии/Германии к России в последние десятилетия перед Первой мировой войной колебалось между страхом перед опасностью с Востока и восхищением перед огромной империей и ее возможностями. Обе крайности не исключали друг друга [23, S. 276 f.]. Однако различная весомость, придаваемая им разными политиками, вела к противоположным политическим последствиям. Бисмарк еще не видел в русском национализме смертельную опасность для традиционных монархических отношений между Берлином и Петербургом. Он, как известно, отстаивал политику договорных обязательств с Россией, чтобы избежать опасных обострений в отношениях [11, S. 110 f.]. Для его преемников угроза, исходившая от России, имела большее значение, что привело в итоге к разрыву политического «провода» с Петербургом.

Курс на сохранение «провода в Россию» определял и отношение канцлера к российской прессе. Нормальные отношения с прессой в Российской империи были для него важны еще и по причине убежденности, что пресса и общественное мнение тождественны [24, S. 284]. Чтобы оказывать на нее влияние, он предпочитал путь через близкие ему печатные органы в Германии. Данный метод имел одно преимущество – можно было публиковать мнение правительства, не делая его за это ответственным. Прямые контакты с газетами в России противоречили его, скорее оборонительной, политике в отношении прессы и предпринимались лишь в качестве исключения

и с большой осторожностью. Однако поскольку агрессивный образ поведения Каткова в духе панславизма не только из-за его предполагаемой близости к царю грозили стать настоящей опасностью для внешнеполитических интересов Пруссии в преддверии объединения Германии и основания единой Германской империи, Бисмарк отказался от своей сдержанной позиции, которой он обычно строго придерживался. После того как попытки создать в российской прессе противовес «Московским ведомостям» и либеральному, но такому же националистическому «Голосу» А. А. Краевского провалились, в январе 1869 г. Бисмарк попытался оказать прямое влияние на Каткова. Канцлер, очевидно, был готов купить русского публициста немалой суммой денег. Взамен Катков должен был публиковать в «Московских ведомостях» «корреспонденции из Берлина», инспирированные внешнеполитическим ведомством Германии [7, с. 316–318; 25, S. 29 f.]. Однако военный агент кайзера в Санкт-Петербурге Ганс-Лотар фон Швейниц и германский посол принц Рейс не только получили отказ, но и оказались в крайне неприятном положении, поскольку Катков предал в своем издании гласности попытку подкупа. Посол Рейс, который по поручению Бисмарка пожаловался на «Московские ведомости» Горчакову, получил от канцлера, до 1870 г. находящегося в хороших отношениях с Катковым, примечательный для автократического государства ответ: «La presse étrangère ne peut pas s'habituer à l'idée qu'il existe en Russie, comme ailleurs, une publicité». («Иностранная пресса не может свыкнуться с идеей, что в России, как и в других странах, есть общественное мнение»). И эту реплику даже нельзя было назвать лицемерием. Когда российское правительство после франко-прусской войны стремилось к пересмотру некоторых пунктов Парижского мира, министр внутренних дел А. Г. Тимашев призвал редакторов петербургских и московских газет поддержать усилия правительства и отказаться от антинемецкого ультрапатриотизма. Газетчики отреагировали на этот призыв с возмущением. Катков, который к тому моменту общался с Горчаковым только через третьих лиц, открыто интерпретировал такие призывы как знак чрезмерного угодничества [7, с. 107–111; 13, S. 343]. Скептическому канцлеру не оставалось ничего другого, как поносить газету Каткова окольными путями, пытаясь создать впечатление, что критика исходила из окружения Ганноверского королевского дома, находившегося во враждебных отношениях с Пруссией. Правда, сколько-нибудь большого эффекта ему достичь так и не удалось.

Между тем позиция Каткова не была априори антинемецкой. В разговоре с принцем Карлом Прусским он назвал своим политическим кредо то, что Россия должна в первую очередь следовать своим

собственным интересам. Когда в 1882 г. финансовое положение царской империи переживало глубокий кризис, панслависты сохраняли спокойствие. Катков возлагал ответственность за продолжавшиеся внешнеполитические неудачи на профранцузскую прессу [11, S. 110, 250 ff.]. Он прагматично считал, что, если этого потребуют интересы России, как это было в преддверии создания Союза трех императоров, то нужно ориентироваться на Германию. Предпринятые в то же время Бисмарком попытки воспользоваться сложившейся ситуацией, развернув в немецкой официозной прессе кампанию, потерпели крах. Они лишь усугубили немецко-французские противоречия, укрепили пошатнувшееся доверие в российскую дипломатию и поэтому были вскоре оставлены [26, S. 105–123].

Отношение националистической прессы к Германии существенно изменилось в середине 1880-х гг., когда разразился Болгарский кризис. Непрерывающаяся панславистская пропаганда, похоже, всерьез заставила Бисмарка задуматься о целесообразности внешнеполитического курса, направленного на достижение согласия с Россией. Гневные антинемецкие и антиавстрийские выпады Каткова, очевидно, ускорили распад Союза трех императоров, а его призывы к введению протекционистских мер в пользу российской и, прежде всего московской, промышленности, имевшие широкий общественный резонанс, усилили экономические разногласия между Германией и Российской империей [14, S. 429 ff.]. Издатель «Московских ведомостей» изо всех сил боролся с теми, кто, по его мнению, препятствовал реализации предлагаемых им политических мер. Он, например, организовал в Санкт-Петербурге особую канцелярию, компилировавшую для Александра III русофобные статьи из немецкой прессы [11, S. 300 ff.]. Однако, хотя его нападки были направлены в основном против министра иностранных дел Н. К. Гирса, они тем не менее задевали и обычно очень благосклонно настроенного к Каткову императора, рассматривавшего внешнюю политику как свою прерогативу. В марте 1887 г. его слишком резкие атаки переполнили чашу терпения монарха [7, с. 251–257]. Александр III отдал распоряжение о вынесении Каткову публичного порицания, несколько позже, правда, замененного устным внушением и мягким требованием впредь в таких вопросах консультироваться с Министерством иностранных дел. Германский поверенный в делах Бернхард фон Бюлов сообщал Бисмарку о разговоре с влиятельной обер-гофмейстериной, княгиней Кочубей, которую приводило в отчаяние влияние Каткова на царя и жесткое противостояние с Гирсом [25, S. 132 ff; 27; 28, S. 211 ff.].

Опасная снисходительность царя к Каткову по поводу его вмешательства во внешнеполитические

дела вызывала раздражение не только у российской министерской бюрократии, но и оказывала влияние на отношения с Германией. Ставший вновь подчеркнуто антигерманским панславизм укреплял в Германии те силы, которые считали добрые отношения с восточным соседом, скорее, вредоносными и поэтому искали возможности для того, чтобы разорвать «провод в Россию». Как это было обычно в течение последних двух десятилетий, Бисмарк отбивался через свои официозные издания. Впоследствии канцлер использовал официозную прессу, финансируемую из так называемого «фонда Вельфов», или «рептильного фонда», крайне редко [29, S. 73 ff.]. Поскольку российское правительство якобы демонстративно не использовало свои рычаги давления на прессу, в газету «Kölnische Zeitung» поступила «чрезвычайно секретная государственная просьба» [30, S. 31 f., 90]. Корреспондент газеты в Санкт-Петербурге должен был наблюдать за «основными российскими, особенно находящимися по влиянием (русского правительства. – Д. В.) изданиями... и передавать все, что они пишут против Германии». Бисмарк поручил «Kölnische Zeitung» перепечатывать все панславистские статьи с указанием источника, но без комментариев, чтобы «показать российскому правительству, что за ним следят и тем самым предостеречь его» и смягчить антинемецкий тон российской прессы. Для того чтобы опровергнуть распространяемое многими газетами утверждение о своей антирусской позиции на Берлинском конгрессе, которое провоцировало во время Болгарского кризиса германофобские настроения, канцлер приказал опубликовать в контролируемых им печатных органах тайные документы. В газетной войне между Россией и Германией, развившейся в середине 1880-х гг., внешнеполитическое ведомство Германии одержало вверх в том смысле, что Катков и его единомышленники в конечном счете так и не смогли предотвратить заключение договора перестраховки в 1887 г.

Если прежде газетные войны были не более чем сопутствующим явлением «большой политики», то во время Болгарского кризиса и в преддверии заключения договора перестраховки в 1887 г. они превратились в важный политический фактор. Панславистская пропаганда в печати и ответная реакция германского руководства постепенно все больше превращались в предмет политических противоречий. При этом канцлер никогда не упускал возможности демонстративно указать на отсутствие единства во внешнеполитических вопросах между прессой и царским правительством. Бисмарк не случайно называл панславистские издания «параллельным правительством», которое оказывало на царя больше влияния, нежели Певческий мост [31, S. 64]. Александр III сам пытался умять значение германофобских сообще-

ний в прессе. Через своего генерал-адъютанта П. А. Черевина он заверил Бюлова, что немцы не должны позволять газетам «импрессионировать» себя [32; 33, 162 f.]. Германский поверенный в делах лаконично ответил, что выпады российских газет против Германии вредят двусторонним отношениям и напомнил о трагических последствиях, которые будут неизбежны в случае войны. И если рейхсканцлер Бисмарк и германский МИД все же старались действовать крайне сдержанно и даже после принятия в 1887 г. «Закона о состоянии инородцев», затрагивавшего интересы в том числе и живущих в России немцев и сопровождавшегося громким одобрением в российской прессе, по большому счету никак не выразили свое неодобрение, то причиной тому было желание поскорее завершить оформление договора перестраховки с Россией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hagen M.* Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Russland 1906–1914. – Wiesbaden, 1982.
2. *Rosenberger B.* Zeitungen als Kriegstreiber? Die Rolle der Presse im Vorfeld des Ersten Weltkrieges. – Köln, Weimar, Wien : Böhlau Verlag, 1998.
3. *Grüning I.* Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Großmächten vom Berliner Kongress bis zum Abschluss des franko-russischen Bündnisses : Phil. Diss. – Berlin, 1927.
4. *Чернуха С. Г.* Самодержавие и печать (60–70-е годы XIX в.) / С. Г. Чернуха // Вопросы истории – 1986. – № 11. – С. 49–63.
5. *Bumme C. Ю.* Воспоминания / С. Ю. Витте. – М., 1960. – Т. 2.
6. Дневник Суворина / [под ред. М. Кричевского]. – М. ; Пг., 1923.
7. *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы, 1848–1896 / Е. М. Феоктистов. – Л., 1929.
8. *Есин Б. И.* Русская газета и газетное дело в России / Б. И. Есин. – М., 1981.
9. *Beyrau D.* Russische Orientpolitik und die Entstehung des deutschen Kaiserreiches 1866–1870/71. – Wiesbaden, 1974.
10. *Thaden E. C.* Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. – Seattle, 1964.
11. *Müller-Link H.* Industrialisierung und Außenpolitik. Preußen-Deutschland und das Zarenreich von 1860–1890. – Göttingen, 1977.
12. *Твардовская В. Г.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания) / В. Г. Твардовская. – М., 1978.
13. *Naujoks E.* Bismarcks auswärtige Pressepolitik und die Reichsgründung (1865–1871). – Wiesbaden, 1968.
14. *Durman K.* The Time of the Thunderer. Mikhail Katkov, Russian Nationalist Extremism and the Failure of the Bismarckian System, 1871–1887. – New York, 1988.
15. *Wehler H.-U.* Das deutsche Kaiserreich 1871–1918. – Göttingen, 1983.

16. Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» / В. К. Волков // Славяно-германские культурные связи и отношения. – М., 1969.
17. Lemberg H. Der «Drang nach Osten». Schlagwort und Wirklichkeit // F. B. Kaiser, D. Stasiewski. Deutsche im Europäischen Osten. Verständnis und Mißverständnis. – Köln/Wien, 1976.
18. Wippermann W. Der «deutsche Drang nach Osten». Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes. – Darmstadt, 1981.
19. Epstein F. T. Der Komplex «Die russische Gefahr» und sein Einfluss auf die deutsch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert // I. Geiss, B. J. Wendt (Hg.). Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. – Düsseldorf, 1973.
20. Eckardt J. von. Lebenserinnerungen. – Leipzig, 1910. – Bd. 1.
21. Garleff M. Zum Russlandbild Julius von Eckardts // U. Liskowski (Hg.). Russland und Deutschland. – Stuttgart, 1974.
22. Campion L. K. Behind the modern Drang nach Osten: Baltic emigrés and Russophobia in Nineteenth-Century Germany. – Ph. D. – Indiana University, 1966.
23. Meyer K. Die russische Revolution von 1905 im deutschen Urteil. Überlegungen zur Änderung des «Russlandbildes» in Deutschland // U. Liskowski (Hg.). Russland und Deutschland. – Stuttgart, 1974.
24. Odenwald-Varga S. «Volk» bei Otto von Bismarck. Eine historisch-semantische Analyse anhand von Bedeutungen, Konzepten und Topoi. – Berlin : de Gruyter, 2009.
25. Propper S. M. von. Was nicht in die Zeitung kam. Erinnerungen des Chefredakteurs der «Birschewyja wedomosti» S. M. von Propper. – Frankfurt a. M., 1929.
26. Becker A. Die Bedeutung von Pressepolitik im außenpolitischen Richtungsstreit zwischen Bismarck und Wilhelm I. 1879 // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. – Vol. 21. – Heft 1. – 2011.
27. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA). – R10621. – 11.11.1886.
28. Robolsky H. Bismarck und Russland. Enthüllungen über die Beziehungen Deutschlands und Russlands von 1859 bis heute. – Bremen : Dogma Verlag, 2013.
29. Naujoks E. Bismarck und die Organisation der Regierungspresse // Historische Zeitschrift. – 1967. – № 1. – S. 46-80.
30. Hink H. Bismarcks Pressepolitik in der bulgarischen Krise und der Zusammenbruch seiner Regierungspresse. – Frankfurt a. M., 1977.
31. Lahme R. Deutsche Außenpolitik 1890-1894. Von der Gleichgewichtspolitik Bismarcks zur Allianzstrategie Capravis. – Göttingen, 1990.
32. PA. – R 10620. – Bülow an Bismarck, 10.8.1886.
33. Kohls W. A. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Kolonisten in Russland. Eine Untersuchung russischer Pressepolemik und der deutschen diplomatischen Berichte aus der St. Petersburger Amtszeit des Botschafters von Schweinitz // Archivalische Fundstücke zu den russisch-deutschen Beziehungen. Erik Amburger zum 65. Geburtstag / Hg. von H.-J. Krüger. – Berlin, 1973.

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

Вульф Д., доктор, долгосрочный доцент ДААД
E-mail: dwulff@hse.ru
Тел.: 8 (812) 786-92-49

National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg)

Wulff D., PhD, Permanent Visiting Associate Professor of the DAAD
E-mail: dwulff@hse.ru
Tel.: 8 (812) 786-92-49